

Автор: *Йосси Верди.*
Email: yossi.verdi@pochta.ru

Прошлое и будущее
Пьеса.
(4 акта)

Действующие лица:

- 1) Григорий - 29 лет.
 - 2) Отец - отец, Григория.
 - 3) Мать – мать, Григория.
 - 4) Лев Сергеевич - 60 лет, бывший военный офицер.
 - 5) Сара - 50 лет, домохозяйка, супруга Льва Сергеевича.
 - 6) Павел Петрович - 60 лет, врач.
 - 7) Роза – 50 лет, домохозяйка, супруга Павла Петровича.
 - 8) Анатолий - 53 года, тихий алкоголик. Учитель истории.
 - 9) Рая - 25 лет, дочь Анатолия. Больная шизофренией.
 - 10) Роман - 26 лет, сын Анатолия. Безработный.
 - 11) Марат - 40 лет, оператор на телевидении, сын Павла Петровича.
 - 12) Лида - 36 лет, супруга Марата.
 - 13) Максим – 29 лет, бизнесмен.
 - 14) Марина – 29 лет, детская подруга Григория и Максима.
 - 15) Измаил - 35 лет, звукорежиссёр на телевидении, сын Льва Сергеевича.
- Начальник тюрьмы, продавщица, милиционеры, пианист, чиновники с папками.

Акт первый.
Сцена первая.

Тёмная комната. На сцене кровать, зеркало, перед которым горит свеча, окно. Григорий спит на кровати и видит сон.

Голос за сценой:

Темно и холодно. Окружающий мрак готов поглотить меня целиком. Я чувствую ледяную поступь вечной пустоты, надвигающейся на меня со всех сторон. Странная апатия и оцепенение охватили меня, завладев, кажется самым сердцем, отняв волю и опустошив разум. Ни мыслей, ни желаний, ни надежд... Только холод, пробивающий дрожью моё безвольно обмякшее на скрипучей кровати с металлической сеткой тело, напоминает, что я ещё жив...

Я всё ещё существую отдельно от этого горячего яркого пятна в углу комнаты. На подоконнике в блюдце стоит огарок свечи, заботливо зажжённой материнской рукой. Её отблеск отражается в оконном стекле и пляшет в последней агонии, утопая в расплавленном воске. Она исчезает в оконном стекле так же быстро, как растаял белый след самолёта, взлетевшего несколько часов назад...

Мы жили на окраине Москвы в старой сталинской двухэтажке. В нашей коммуналке кроме нас жило ещё 8 семей. Впрочем, каждый готов был поклясться, что наш этаж занимала только одна большая и дружная семья, где всем двором справляли семейные праздники и делили на всех горе и трудности. Здесь никогда не приходилось просить о помощи. Достаточно было просто показаться перед соседями с озабоченным лицом... Как давно это было!

Перед домом был огорожен общий двор. Пока мы, пацаны, гоняли мяч, взрослые выносили столы и стулья и устраивали вечерние посиделки с самоваром и долгими душевными разговорами. Мне очень нравился наш уютный дом. Эту любовь к родному гнезду я пронёс через всю мою жизнь. И даже сейчас, стоит мне вспомнить те тихие вечера, невольная улыбка озаряет моё усталое лицо. Отец был начальником продуктовой базы, уважаемым и обеспеченным человеком.

Однако, как известно, идеальных людей не бывает. Вот и у моего отца была непреодолимая слабость: он любил женщин. Высокие и маленькие, простые и роскошные, глупые и образованные, красивые и страшенькие его пассии непрерывным потоком сменяли друг друга. Мама, конечно, не могла этого не видеть, но и поделаться с отцом тоже ничего не могла. Она очень любила его, и поэтому терпела постоянные загулы.

Я до сих пор помню, как мама, закрывшись в ванной комнате, открывала воду, и, думая, что её никто не слышит, плакала. А я садился под дверь и ждал, когда она затихнет, чтобы позвать, придумав какой-нибудь срочный повод. И она выходила, обнимала меня, прижималась мокрой от слёз щекой и шла готовить мне ужин или проверять уроки.

Правда, бывало иногда, что я засыпал прямо под дверь, не дождавшись конца маминых всхлипов. И тогда я утром находил себя в собственной кровати, а отец почему-то старался

именно в эти дни, не дожидаясь просьбы, вручить мне некоторую сумму на карманные расходы и мороженое. Все карманные деньги я тратил на билеты в кино, которое обожал. Первым увиденным мною фильмом был «Амаркорд».

Я бегал смотреть все ленты, которые привозили в тот открытый летний кинотеатр. Особенным праздником были для меня индийские фильмы, потому что их герои на протяжении всего фильма танцевали и пели. Всё было так красочно! И всегда заканчивалось хорошо.

С тех пор я мечтал стать кинематографистом. А если быть точнее, сценаристом. Мне хотелось придумывать разные истории, чтоб потом по ним снимались фильмы. Я даже не представлял, что может быть как-то иначе. Помню, как в очередной раз попросил у отца деньги на конфетку. Отец протянул мне деньги, улыбнулся и сказал, чтобы я не оставался на вечерний сеанс. Он был мудрым человеком.

Сцена превращается в шумный двор. Во дворе накрыт длинный стол. Стол заставлен разными яствами и спиртным. На столе горят свечи.

Маленький Григорий сидит рядом с отцом и смотрит на него.

Отец: *(Смотря на горящую свечу)* Вы знаете, что происходит, когда горит свеча?

Марат: А что тут может происходить? Горит свеча, и пускай себе горит.

Павел Петрович: Это простой физический процесс.

Отец: Нет. Это целое таинство. Нить свечи обращается к воску: «Отпусти меня. Я умираю вместе с тобой...» На что воск отвечает: «Если б не я, ты была бы простым шнурком для туфель».

Отец поворачивается и смотрит на мать, поспешившую набросить Григорию на плечи тонкий жакет, укрывая от вечерней прохлады.

Марат: Надо же! Сто тысячи раз видел, как горит свеча, но об этом ни разу не задумывался.

Анатолий: *(залпом выпивая стакан водки)* Эх, хороша, зараза! Между прочим, врачи рекомендуют для очищения организма. Не правда ли, дорогой Павел Петрович?

Павел Петрович: *(затягиваясь Беломором)* Правда, правда, Толя. Только они имеют в виду не это *(указывая на бутылку водки)*, а хороший коньяк.

Отец: *(беря в руки бутылку и рассматривая её)* А что с водкой? Хорошая водка! Вчера только завезли.

Анатолий: *(Отцу)* Кстати, о коньяке. Помнишь, ты мне проиграл бутылку армянского коньяка? Когда будешь возвращать должок?

Отец: *(улыбаясь)* Верну, верну. Скоро будет завоз.

Анатолий: Я уже второй месяц это слышу.

Отец: Потерпи, я сказал, что принесу.

Павел Петрович: Толя, завязывал бы ты с этим. Пожалей свою печень, она у тебя одна. Я тебя предупреждаю как врач.

Анатолий: Знаешь, как говорил Маяковский:

Если звёзды зажигают,

Значит, это кому-нибудь нужно...

- Вот и водочку кто-то делает, а значит, нужен тот, кто её будет пить! Между прочим, в древней Греции виноделие считалось священным действием. У них на этот счёт даже был свой бог виноделия – Дионис - *(указывая на спиртное)* - бог виноделия.

Измаил: Дядя Толя, если у них Дионис-бог виноделия, то у нас ты - бог винопития.

Все смеются.

Павел Петрович: А потом нам этих богов лечить.

Лев Сергеевич: Эх, хотел бы я, чтобы и мой сын стал врачом. Хорошая и уважаемая профессия. А он, балда, пошёл и сдал документы на факультет кинорежиссуры.

Отец: Почему балда? Очень даже хорошая профессия! Вот мой сынок тоже, наверное, режиссёром станет. Он не пропускает ни одного фильма. Будут вдвоём снимать фильмы, встречаться с красивыми женщинами.

Анатолий: *(разливая водку по стаканам)* Даже Ленин говорил: «Важнейшим из искусств является кино».

Лев Сергеевич: И потом, если б он стал режиссёром художественных фильмов, еще, куда бы ни шло. Так он выбрал научно популярное кино. Будет снимать разных букашек таракашек. С красивыми женщинами там встречаться негде. Разве что со старыми лаборантками.

Измаил порывается встать со стула и уйти. Лев Сергеевич придерживает его за плечо и усаживает на стул.

Лев Сергеевич: Сиди уже, никуда не уйдёшь.

Сара: *(с окна второго этажа)* Ну что вы хотите от ребёнка? Он уже взрослый человек и сам в состоянии сделать выбор. И потом, с бабами он успеет встретиться и в институте. От отца не будет отставать. *(Обращаясь ко Льву Сергеевичу)* Сам - то по молодости не пропускал ни одной юбки.

Марат, сидя за столом, начинает смеяться. Сара и Роза спускаются во двор и тоже усаживаются за столом.

Лев Сергеевич: Ну что ж? Давайте выпьем за прекрасных дам и за тех, кого мы берём в жёны.

Отец: Давайте выпьем за всех дам. В особенности за тех красавиц, которых мы берём в жёны. Если бы не женщины, то человеческий род остановился бы!

Звон бокалов и рюмок.

Лев Сергеевич: Да ну! Кому нужен такой род? *(Измаил опять порывается встать и выйти из-за стола. Лев Сергеевич снова держит его за плечо).* Я сказал, сиди!

Павел Петрович: А я хочу выпить за свою жену. Я благодарен ей, что всё это время, она была рядом со мной. Дарила тепло и любовь. Я приходил домой, усталый и злой. А дома меня уже ждал горячий ужин и домашний уют. Именно на таких женщинах держится мир.

Роза: *(Взволновано, со слезами на глазах)* Дорогой, я так растрогана. Мы уже шесть лет женаты. Всё это время я не требовала от тебя не дорогих украшений, не меховых шуб. Я лишь хотела простых нежных слов. И вот дождалась! *(Вздыхает)* Дорогой, я так счастлива! *(Роза выпивает бокал вина и шумно выдыхает).* Дорогой, если так, то я

должна тебе признаться. Я иногда, когда ты был особенно молчалив и не уделял мне внимание, заваривая тебе чай, плевала в него. Обещаю, больше так не сделаю

никогда. *(Начинает плакать.)*

Наступает молчание. Все с удивлением смотрят друг на друга. Вдруг Марат громко закатывается хохотом.

Анатолий: А, собственно, кто сегодня заваривал чай?

Сара: Не обращайтесь внимания, она пьяна. Вот и несёт всякую чушь. Но, если вам так интересно, сегодня чай заваривала я.

Отец: *(Саре)* Отведи свою подругу в комнату, пусть отдохнёт.

Сара поднимает со стула плачущую и одновременно смеющуюся Розу. Они поднимаются по лестнице.

Сара: *(Пьяной Розе)* Теперь в жизни тебе заваривать чай не доверю...

Акт первый. Сцена вторая.

На сцену опускается темнота.

Голос за сценой:

Хотя я пользовался у дворовых и школьных мальчишек серьёзным авторитетом и слыл заводилой, всё же школу я не любил. И не из-за того что не успевал - напротив, учёба мне давалась очень легко. Просто было не интересно на уроках. Просидеть 45 минут на одном месте было выше моих сил. Вот я и развлекался, как мог. Любимая забава наших мальчишек состояла в том, чтобы с помощью маленького зеркальца, укрепленного на носке ботинка, разглядеть нижнее бельё учительницы. Что и говорить, было опасно! Но это и привлекало! Разумеется, об этом знали всего несколько посвящённых. Среди них был и Максим-мальчик из нашего класса.

О нём стоит рассказать отдельно.

Это был крепкий упитанный малец с хищным взглядом из-под коротенькой щетины белёсых ресниц. Его румяные щёки, пожалуй, вызывали зависть худосочных старшеклассниц, которые рисовали себе румянец старой губной помадой, тайком добытой из мусорного ведра. Максим никогда и никому не помогал. Даже списать просил, сразу оговаривая сумму мальчишеских сокровищ, которыми он готов был пожертвовать, чтобы не получить двойку за невыполненное домашнее задание. Жалкий, трусливый, мелочный, но исполнительный тип. Можно сказать, мы пользовались им, как удобной вещью и

инструментом добычи билетов в кино, редких коллекционных марок или бутылочных наклеек, составлявших коллекцию – предмет особой гордости каждого мальчишки.

Но никто и никогда не воспринимал его всерьёз. Однако, иногда встречаясь с ним взглядом, который он тут же отводил, я читал в нём столько ненависти и злобы, что мне на мгновение становилось страшно.

Школа.

Григорий сидит за первой партой, с вытянутой под партой ногой, на носке которой закреплено зеркало. Мальчики сидящие, за Григорием с любопытством вытягивают шею в надежде разглядеть что-нибудь интересное.

Учительница: Григорий, я тебя тысячи раз предупреждала, что нужно сидеть прямо.

Григорий: Анна Петровна, я не могу прямо сидеть. У меня геморрой.

Класс взрывается смехом.

Учительница: Если ты болен, обратись к врачу. Пусть он выпишет тебе справку. Или не приходи в школу. Впрочем, я думаю, врач удивится такому геморрою, который длится уже год. Или сядь прямо, или выйди из класса.

Григорий: Но я не могу сесть прямо. Я же сказал, у меня геморрой.

Учительница: В таком случае, молодой человек, выйдите из класса.

Григорий выходит из класса и видит в коридоре двух своих приятелей.

1-ый школьник: Ну что? Опять выгнали?

Григорий: Да, но мне и самому не нравится химия. Я вообще не понимаю, зачем нужно изучать науку, с помощью которой делают химические бомбы.

2-ой школьник: Ну, я бы так не говорил. Ведь с помощью химии делают лекарства, которые потом спасают людей.

Григорий: Вот так всегда. Одно и то же, может убить, а может и спасти.

1-ый школьник: (Подойдя поближе, шёпотом) Ну как? Сегодня у неё (указывая на закрытую дверь класса) какого цвета были?

Григорий: Нет. Сегодня ничего не увидел. Она сразу выгнала меня из класса.

1-ый школьник: Мне брат рассказывал, что в эпоху ренессанса воины, уходя в походы, надевали на жён железные трусы с замком. А ключ брали с собой.

2-ой школьник: Странно. А зачем они это делали?

1-ый школьник: Ну, ты балда! Это же понятно. Чтоб жёны им не изменяли с другими мужчинами.

Григорий: Дураки эти воины ренессанса. Если женщина захочет, то изменит, если даже её запереть в сундук.

2-ой школьник: Ты-то откуда это знаешь?

Григорий: Папа говорил. Он в этих делах понимает.

1-ый школьник: Интересно. Наш сосед тоже время от времени куда-то на месяц исчезает. Это называется командировка. А его жена за весь этот месяц носа своего не показывала на улицу. Мне кажется, что сосед тоже одевает на свою жену железные трусы. И перед приходом домой всегда проверяет почтовый ящик.

2-ой школьник: Почему?

1-ый школьник: Потому, что другой мужчина может написать ей письмо.

Григорий: Твой сосед, такой же дурак, как и те воины ренессанса. Наверное, у неё давно уже есть дубликат ключа, и она прячет его где-то дома. Да и хорошие слесари существовали во все времена.

Звучит звонок на перемену.

Сцена заполняется разговаривающими и смеющимися детьми. Марина вместе с другими девочками стоит в сторонке и о чём-то разговаривает с подружками.

Голос за сценой:

Марина... Что рассказать о ней? Сначала мы с мальчишками дразнили её на уроках физкультуры, потому что у неё первой из класса сквозь футболку стали различаться упругие холмики груди. Она стеснялась, убегала и пряталась в девичьей раздевалке, пропускала уроки физкультуры до тех пор, пока учительница физкультуры Алла Сергеевна – уже пожилая женщина - не вызвала её маму в школу.

На следующий урок Маринка вошла в класс с гордо поднятой головой. Её пепельно-русые волосы, которые она раньше перед физкультурой распускала, прикрывая предмет насмешек, в этот раз были стянуты на затылке в тугий хвостик. На щеках играл румянец удовольствия, плечи были гордо расправлены, голова высоко поднята.... Было ощущение, что сама царица Савская, про которую мы столько слышали на уроках истории, решила осчастливить нас своим присутствием.

Мы с мальчишками хотели было завести привычную шарманку, но, подойдя поближе, мы как-то вдруг заметили под тоненькой футболкой восхитительной белизны и красоты ажурное кружево, осиную талию и женственные бёдра, обтянутые черными шортиками. Стройные длинные ножки Маринки отвлекли внимание, и мы с мальчишками тут же забыли, зачем подошли. Ни у кого не хватило духу даже спросить, как у неё дела. Мы просто обмерли от этой царственной женственности, красоты и неприступности, которые неизвестно откуда взялись вдруг в этой знакомой всем с детства, но в один момент повзрослевшей и изменившейся до неузнаваемости однокласснице...

А ночью я уже не мог заснуть, вспоминая её огромные серые глаза, не выражавшие ничего, кроме удовлетворения произведённым эффектом. Длинные пушистые ресницы отбрасывали на её нежные щёки зыбкие тени. Я понял, что гадкий утёнок на моих глазах превратился в царственного лебедя, роскошного и недоступного.

Мне говорили, что папа у Марины - капитан дальнего плавания и по национальности он еврей, а мама русская. Марина жила недалеко от нашего дома, и я часто по вечерам бегал к ним во двор в надежде хоть на секунду увидеть Марину в окне. Несколько раз мне пришлось подражаться с дворовыми мальчишками, но я до сих пор считаю, что ради любимой нужно идти на подвиги. И свои подвиги я посвящал Марине.

Максим тоже любил Марину. По крайней мере, я несколько раз видел, как он провожал её до дома и при этом нёс её портфель. Он был единственным мальчишкой, которого я видел рядом с ней. Зная о его услужливости, я не мог видеть в нем не то что соперника, но даже конкурента.

«Дурак!- думал я.- На что он рассчитывает? Неужели такая девочка, как Марина, обратит внимание на ничтожного труса? Он ведь даже боится, что если его мама узнает о его любви к девочке, то накажет его. А вот я не боюсь своей любви. И пусть мама меня накажет. Это будет лишь очередной подвиг во имя любви». Так я тогда рассуждал, и в сердце копошилось странное чувство, похожее на жалость.

Максим с булкой в руках подходит к группе девочек и протягивает плюшку Марине. Марина, взглянув на Григория, смеясь, берёт булку от Максима. Девочки переглядываются и начинают шептаться.

Марина: Ой, Максимка, спасибо. Ты такой внимательный. *(Марина откусывает от булки кусочек.)*

Максим: Марина, а можно проводить тебя сегодня?

Марина: Не знаю. Я подумаю. *(Марина опять бросает взгляд на Григория.)*

Григорий: Эй, Максим. Что ты там, среди девчонок делаешь? Иди, посиди с мужчинами.

Максим нехотя отходит от группы девочек и подходит к мальчикам.

1-ый школьник: Слыхали, в киоск завезли американские журналы с голыми женщинами. Продают своим под полы.

Григорий: Да ну! В какой киоск?

1-ый школьник: В тот, который рядом с твоим домом.

Григорий: Слыхал, Максим? Продавец ведь тебя тоже знает? *(вытаскивает горсть монет)* Бери вот. И что бы завтра без журнала в школе не появлялся.

Сцена темнеет.

Сцена светлеет.

Бабушка: *(кричит)* - Срамота! Посмотрите, что читает этот бесстыдник! Да ещё и голые бабы на каждой странице! И чего-то написано не по-русски!

Дядя: *(выкручивает ухо у Григория)* Что это такое, а? Откуда ты это взял?

Григорий: *(Кричит)* Ааа, моё ухо! В киоске купил, в киоске.

Отец: *(проходя в комнату)* Что тут случилось? Что за крик?

Бабушка: *(Протягивая журнал отцу)* Ты посмотри, посмотри, что творит твой сын!

Отец: *(Разглядывая журнал)* Ну и что? Люди купаются на море. Отдыхают. Их во время этого отдыха сфотографировали.

Бабушка: И ты туда же? Ты посмотри, сынок, внимательнее! Это голые, бесстыдницы. Это всё твоё воспитание! Ни одной юбки не пропустишь, вот и сын весь в тебя пошёл!

Отец: *(Григорию)* А откуда ты это взял?

Григорий: В киоске купил.

Бабушка: Это ж надо такую срамоту продавать. Так же всех детей испортят.

Мать: Ничего. Я заберу его на 10 дней в деревню. Там дед живо выбьет дурь у него из головы.

Григорий: Мамочка, нет! Я не хочу в деревню. Пожалуйста, не забирай меня туда.

Первый акт. Сцена третья.

Сцена темнеет.

Голос за сценой:

Нельзя сказать, что я боялся деда, хотя он довольно часто хватался за ремень, когда я баловался. Гораздо больше пугала меня перспектива остаться на целых 10 дней без моей Марины. Но моя ссылка была уже делом решённым, и, как ни умолял я мать, для всех своих друзей из многолюдной столицы я исчез на целых десять мучительных дней изнурительной работы на дедовом участке.

Десять дней спустя.

Григорий с матерью поздно вечером возвращаются из деревни. Дома они застают женщину, которая курит у двери. Увидев входящих, женщина бросает сигарету и обращается отцу.

Женщина: Ну, я пойду, а то поздно уже.

Мать: Ну что вы? Куда вы собрались, на ночь глядя? Оставайтесь, сейчас я и на стол накрою. Попотчую вас чаем с вареньем. Такой красивой гостье ночью в городе одной находиться опасно.

Григорий: Папа, а кто это? Прямо как те отдыхающие из журнала.

Женщина: *(жеманно улыбаясь)* Нет, наверное, я пойду. А то, знаете ли, хозяин дома устал.

Женщина берёт сумочку и, напевая песенку, спускается по лестнице. Мать садится на ступеньки и начинает плакать.

Отец: *(выходя из дома)* Если расскажу, не поверите. Вечером возвращаюсь с работы, вижу, сидит возле лужи одна лягушка и плачет. Спрашиваю её, почему ты плачешь? Она отвечает, что ей холодно и одиноко, потому что никто не хочет её забирать домой. Ну, вот я её и подобрал и принёс домой. А она дома сбросила с себя лягушачью кожу и превратилась в эту гражданку.

Мать: *(рыдая)* Не рассказывай мне сказки.

Отец: *(пожимая плечами)* Ладно.

Отец надевает пиджак и выходит из комнаты. Григорий подходит к матери и гладит её по голове.

Григорий: Не плачь мама. Может папа правду говорит, она и в правду была похожа на жабу.

Мать: *(со слезами на глазах смотрит на Григория)* Ты прав, сынок, она действительно похожа на жабу. *(Улыбается)* Я так люблю твоего отца, но он этого не понимает. Но я знаю, что он тоже любит свою семью, нас. Но, словом, дурак твой папка. *(Утирает слёзы)* Пусть делает что хочет. Никому об этом не говори.

Школа.

Григорий вместе с мальчиками подходит к Максиму. Максим стоит и на коленке пишет какую-то записку. Один из мальчиков хватает бумажку и бросает другому мальчику, который тут же разворачивает бумагу и читает. Максим бросается к мальчику, и с трудом отбирает бумажку.

Григорий: *(Смеясь)* Максим, что это? Любовная записка? Ну ладно, ладно не злись. Я тебя искал. На деньги. Сбегай в киоск, купи ещё один журнал.

Максим: *(Насупившись)* Больше журналов нет. Я спрашивал. Сказали, что последний журнал купил дядя Григория.

Григорий: Дядя? Странно. И кстати, а почему это ты такой хмурый?

Максим: Я? Хмурый? Тебе показалось. *(Максим спешно уходит.)*

Григорий: Станный он сегодня какой-то.

2-ой школьник: Ну, что написано было на бумажке?

1-ый школьник: Да я не успел прочесть всю записку. Но, по-моему, это была записка **Марине**. Он с ней прощался. Вроде как, она уезжает.

Григорий: *(взволновано)* Что? Уезжает? *(взяв, в себя в руки и продолжает более спокойно)* Уезжает? Интересно, куда это?

1-ый школьник: Наверное, с отцом, он же у Марины капитан дальнего плавания.

Григорий: Чёрт. Я же забыл, меня мама просила купить хлеб.

2-ой школьник: Эй, подожди. Ещё ведь уроки не закончились.

Григорий убегает, оставив мальчиков одних.

Сцена пустеет.

Голос за сценой:

Уезжает! Это слово больно билось в висках. Уезжает! Как она может?! Надолго ли? С кем? Когда? Почему? А вдруг это навсегда?

Последняя мысль обжигала сильнее всего! Все эти вопросы требовали немедленных ответов. И я в первый раз в жизни решился заговорить с ней...

Я много раз представлял, как весело мы болтаем, как она смеётся над моими шутками. У меня даже было припасено несколько удачных фраз для этого разговора. Но теперь всё

изменилось. Сейчас было не до шуток. Я чувствовал, что все, о чём я мечтал, летит к чёртовой матери.

Звенит звонок. Дети высыпаются на улицу. Среди детей видна Марина. Григорий стоит неподалёку и несколько раз пытается подойти к Марине. Но каждый раз, не доходя пару метров, разворачивается и отходит. Наконец, уловив момент, Григорий подходит к Марине.

Григорий: *(не уверенно)* Марина, я, это. Ну как дела?

Марина: *(смеётся)* Привет, хорошо. Ты что-то хотел сказать?

Григорий: Да. Я как раз, ну в том смысле, что?

Марина: Странный какой-то *(Марина пытается уйти)*

Григорий: *(схватив Марину за ручку, но сам, испугавшись своего движения, отпускает)*
Подожди, я хотел с тобой поговорить.

Марина: Ну, говори уже!

Григорий: Не тут. Можно тебя проводить сегодня?

Марина: Можно. Хотя нет. Я уже обещала Максиму.

Григорий: Кому? Максиму? Ну и что?

Марина: Дурак ты, Гришка *(опять пытается уйти)*

Григорий: Нет, стой. Хорошо. Тогда я буду ждать тебя вечером у твоего подъезда. Спустишься?

Марина: Не знаю. Я посмотрю.

Марина уходит к девочкам. Григорий поворачивается и встречается взглядами с Максимом.

Двор с подъездом и скамейкой.

Григорий, в новой рубашке и начищенных ботинках, сидит на скамейке. Появляется Марина. Она тоже садится на скамейку рядом с Григорием.

Марина: Еле отпросилась у папы на пять минуток. Ну? Ты хотел поговорить.

Григорий: Да. *(Встревожено)* Это правда, что вы уезжаете?

Марина: А ты откуда знаешь?

Григорий: Знаю.

Марина: Да, уезжаем. И, наверное, навсегда. Ты, наверное, знаешь, что мой папа капитан корабля. Но он долгое время не работал. Мы здесь жили только из-за мамы, она не хотела никуда уезжать. И вот он решил, что мы должны уехать в Израиль. Папа говорит, что там ему предложили работу. Но мама, по-прежнему, не хочет уезжать. Во всяком случае, пока. Она приедет потом, после нас.

Григорий: Марина, а мои чувства к тебе? Я же тебя люблю. *(Осёкся)*.

Марина: *(улыбнувшись)* Мы ещё только дети, нам рано думать об этом. Может быть, когда-то мы и встретимся. Но не сейчас.

Пауза.

Марина: Но я буду писать тебе письма. Хочешь?

Григорий: Да, конечно. Я тоже буду тебе писать. *(Оглядывая дом)*. Ты, наверное, рада, что вы уезжаете? Израиль, это так далеко.

Марина: *(после паузы)* Нет. *(Начинает плакать)* Я не хочу уезжать. Я не понимаю, почему мы должны уехать? Мне здесь нравится. И я не понимаю, почему я должна с папой уехать, а мама должна остаться тут? *(Марина, продолжая плакать, кладёт голову на плечо Григория)*.

Григорий: *(Глядя Марину по голове)* Моя Марина, моя Марина.

Марина: *(вытирая слёзы)* Ты сам знаешь, как я к тебе отношусь. Ты мне дорог как друг. И мне очень тяжело оставлять тебя и уезжать.

Григорий: Друг? Всего лишь? Не называй меня так. Я хочу, чтоб мы были больше чем друзья. Я хочу связать свою жизнь с тобой. *(Берёт Марину за руки)* Марина, Марина *(сдавленным голосом)*. я тебя....

Из окна дома высовывается голова капитана дальнего плавания в белоснежной бескозырке с чёрным околышком.

Отец Марины: Марина, где ты? Иди домой. Уже поздно.

Марина: Ой, это папа. Я должна идти.

Григорий: Марина.

Марина целует Григория в щёку и убегает.

Голос за сценой:

Независимо от погоды в любое время года мы видели его в неизменной тельняшке и бескозырке. Пацаны спорили на деньги, что он и спит в них. Никто не выиграл правда, потому что никак не могли этого проверить. Маринка брезгливо морщилась и уходила от ответа на подобные вопросы со словами: «Вам-то что за дело?» Я хоть и не участвовал в этих пари, но сейчас всерьёз подумал, что мог бы заработать на этих спорах, если бы женился на ней. Ведь, похоже, он и в самом деле никогда её не снимает.

Сцена темнеет. Слышится звук взлетающего самолёта. Сцена медленно светлеет. Аэропорт. Отец Марины и Марина прощаются с матерью.

Голос за сценой:

В аэропорту было многолюдно и шумно. Бурлящее море людей сновало в разные стороны. И только я стоял, как вкопанный, наблюдая за Мариной и её семьёй на расстоянии. Я видел, как она прощается с матерью, слышал, что объявили посадку на их рейс. Ощущение реальности покинуло меня, и я пытался проснуться, но никак не мог. Она уезжала, и я понимал, что навсегда. Марина стояла в красивом голубом платье под цвет неба, в котором сейчас растает её самолёт. Я стоял чуть поодаль с букетом цветов. Как ни старался, но не мог я набраться смелости, чтобы подойти к ней. Королева с отцом уже прошла за парапёт, когда вдруг к ним подбежал Максим и протянул Марине цветы.

Она взяла букет, улыбнулась Максиму и, бросив на меня последний взгляд, скрылась за стеклянной дверью. Ещё долго стоял я один с так и не подаренным букетом в руках.

*Сцена темнеет. Слышится, звук сирен, скорой помощи. Встревоженные голоса.
Голос за сценой:*

Наступила осень. Однажды утром отцу стало плохо. Его сразил инсульт. Он больше месяца пролежал в больнице. И в скором времени его привезли домой. Мне казалось, что он выздоровеет, ведь на свете осталось столько красивых женщин, и он просто не может оставить их и умереть. Но ему становилось всё хуже и хуже.

Сцена светлеет. На кровати лежит отец Григория. Вокруг него собрались дядя, бабушка и мать Григория, которая сидит у изголовья кровати.

Мать: *(глядя отца по голове)* Это всё женщины. Это всё они виноваты. У тебя же гипертония, да и не молодой уже. И всё налево смотришь. Я же тебя предупреждала.

*Отец, с трудом подняв руку, пальцами показывает матери, чтоб она пригнулась к нему.
Мать склоняется над отцом.*

Отец: Милая Гюля. Ты знаешь, что я всегда тебя любил. Что всё, что я не делал, я делал ради вас, ради своей семьи. И если я иногда был не прав, то прости. Я всю жизнь делал тебе больно, старался не замечать твоих страданий, а ты терпела. Ты видела всё и молча терпела, даже слова никогда не сказала на этот счёт. Боже, лучше б ты закатывала скандалы и кричала об этом на каждом углу.

Мать: Молчи, тебе нельзя разговаривать.

Отец: Подожди, дай сказать. Хотя бы раз в жизни я буду честен перед тобой. Однажды, когда ты была в деревне, я прогуливался с очередной женщиной. И вдруг увидел объявление на столбе. Там было написано, что потерялась собака. И вдруг понял, что я и есть эта потерявшаяся собака! И единственный свет, на который я могу идти, это ты, дорогая. Ты и наш сын. Только благодаря тебе наша семья ещё существует. Я так виноват перед тобой! Прости! Спасибо. Я так виноват перед тобой.

Бабушка: Сынок, закрой глаза и попытайся заснуть. Тебе нужно отдыхать.

Отец: Ты права, мама, мне уже пора отдохнуть. *(Отец закрывает глаза, и его бесчувственная рука падает на постель).*

Мать: Дорогой, милый *(пауза)* Милый. *(Пауза затем крик матери)* Он умер!
Бабушка и мать склоняется над отцом, и начинают рыдать.

Дядя: *(положив руку на плечо Григория)* Теперь ты мужчина в доме. Всё будет нормально. Крепись.

*Сцена снова темнеет.
Голос за сценой:*

Через полгода после похорон отца хоронили мать Марины. Она умерла в одиночестве, никто из родственников не приехал. Три дома хоронили её вскладчину, скромно, но достойно. Я вместе с ней хоронил свою надежду узнать что-нибудь о Марине. Хотя и при её жизни на свои вопросы я всегда слышал один и тот же ответ, что нет новостей. Она дала мне адрес Марины, и я много раз писал ей письма, но ответа так ни разу и не получил. На почте, куда я ходил, как некоторые ходят в храм, за надеждой и с верой, я пару раз встречал Максима. Он тоже отправлял кому-то письма, но, в отличие от меня, получал ответы. Так сказала мне работница почты. Но отвечать на вопрос, кому он писал, и откуда приходили ему письма, она решительно отказалась.

Время потихоньку затягивало мои душевные раны. Пытаясь заполнить пустоту в душе, я решил воплотить хотя бы одну свою мечту, и окончил Кинематографический институт по специальности «сценарист».

Работая над сценарием очередного фильма, я редко бывал дома. В тот редкий вечер, когда я не спешил никуда и решил провести время за привычными посиделками со своими соседями во дворе, случилось новое несчастье.

В то время ходили упорные слухи о том, что жена Марата Лида изменяет ему с лучшим другом. Я не верил в это, так как они всю жизнь прожили на моих глазах, были друзьями, и Измаил, по моему мнению, был хорошим парнем.

Сидя за столом, мы распивали чай из электрического самовара, который когда-то был куплен отцом в честь моего рождения. Это был неизменный спутник наших застолий с тех пор, как я себя помню. В прошлом году мы с Маратом протянули электричество от подъезда к большому деревянному навесу, и с тех пор даже заносить в дом его перестали.

Двор.

Во дворе перед домом накрыт стол. За столом сидят Анатолий, Григорий, Марат и Роман. Они пьют чай. Вдруг из подъезда выходит странная парочка. Павел Петрович провожает до калитки налысо обритого крепыша. Заметив ошарашенные физиономии соседей, он, размахивая авоськой, присел рядом и пояснил.

Павел Петрович: За сыром приходили.

Все смотрят на Павла Петровича.

Анатолий: Ты что? Теперь сыром торгуешь?

Павел Петрович: А что мне с ним делать? Директор сырного завода прислал две бочки сыра. Отблагодарил за то, что сына вылечил от алкоголизма. Я половину вам раздал, а вторую решил распродать. Сам-то я сыр не люблю.

Анатолий: И напрасно. Закуска из сыра самая лучшая. Мы вот с Маратом вчера это дело опробовали. *(Марату)* Марат, подтверди. Кстати, а что ты такой хмурый?

Марат: *(туша сигарету, а пепельнице)* Да так, Гаишник остановил и выписал протокол.

Все с удивлением смотрят на Марата.

Павел Петрович: Купил наконец-то машину?

Анатолий: Эй, когда успел? Вчера ты про машину ничего не говорил. Теперь нужно проставиться. Это ж надо отметить.

Марат: Да какая машина? Вы что? Мне выписали протокол, за то, что я проходил улицу в неположенном месте.

Все смеются. Лида выходит из дома.

Марат: Ты куда?

Лида: Навестить маму.

Марат: Ты навещала её вчера.

Лида: И что? Сегодня опять иду навещать. Нельзя?

Марат: Нельзя.

Лида: Вот ещё! Будешь мне указывать, что мне делать.

Марат встаёт и преграждает Лиде дорогу.

Лида: Уйди с дороги.

Марат: Кому ты врешь? К маме она идёт! Хотелось бы посмотреть на этого маму.

Лида: Ты опять за старое. Ты меня ревнуешь к каждому столбу. Шагу не могу ступить без твоего окрика. Да если бы я хотела тебе изменить, ты ничего и не заметил бы.

Марат: Значит, ты всё-таки думаешь об этом.

Лида: О чём?

Марат: О том, как мне изменить.

Лида: Ну, всё! Ты мне надоел! Отойди и дай мне пройти.

Марат: Ладно, уходи. Но знай, что когда-нибудь я докопаюсь до правды.

Лида: (уходя) В том дерме, в котором ты копаешься, правды нет.

Марат входит в свою комнату и крепко хлопает дверью.

Григорий: (Павлу Петровичу) Павел Петрович, может, поговорите с сыном? Всё это может плохо кончиться.

Павел Петрович: Он не хочет говорить со мной по этому поводу. Поговорите сами с ним. Может у вас получится.

Во двор проходят два человека в костюмах и с папками под мышками.

1-ый человек с папкой: Добрый вечер

Сидящие за столом: Здравствуйте.

1-ый человек с папкой: Как я понимаю, вы живёте в этом доме.

Павел Петрович: Да, вы правильно понимаете. А в чём, собственно, дело?

2-ой человек с папкой: Сейчас объясню. Мы здесь, чтобы вы поставили свою подпись вот тут. (Протягивает бланк договора).

Анатолий: Ах, вот оно что. Да-да, мы уже получали ваше уведомление на счёт того, что

нашему дому предстоит снос, из-за того, что тут какой-то олигарх хочет построить торговый центр.

Григорий: Да-да, я тоже об этом слышал. Конечно, никаких проблем. Давайте ваш договор. *(Григорий берёт договор, ставит свою подпись и возвращает документ. Все недоумённо переглядываются).*

2-ой человек с папкой: *(взяв договор у Григория и ознакомившись с подписью)* Это какая-то шутка? Что вы тут нарисовали? Фигу? Молодой человек, я тут не шуточки пришёл шутить. Это важное дело, и я требую, чтобы присутствующие относились к нему серьёзно.

Во двор входит Лида и поднимается к себе в квартиру. Слышатся голоса:

- Что случилось? Почему вернулась?
- Деньги забыла взять.
- Что? У твоей мамочки на ресторан денег нет?
- Как ты мне надоел.
- Кстати, что это за майка? Что делает мужская майка у тебя под подушкой?
- Это твоя майка.
- У меня не было такой майки.

Лида выходит из квартиры и быстро спускается по лестнице. Марат выходит за ней, тряся в руке майку.

Марат: Стой. Я не договорил. Чья это майка?

Лида выбегает за калитку.

Марат: *(спускается во двор и кричит вдогонку Лиде)* Шлюха! Потаскушка! Я знаю, чья это майка.

1-ый человек с папкой: Что у вас тут происходит? У кого-то выросли рога? Марат подходит к 1-ому человеку с папкой и надевает ему на голову майку. Затем берёт со стола нож и вонзает ему в ягодицу.

1-ый человек с папкой: *(кричит)* Спасите, он ударил меня ножом. Он меня убивает. Звоните в милицию.

Марат, осознав, что натворил, садится за стол и обхватывает руками голову. Во двор заходит наряд милиции. На руки Марата надеваются наручники, и его уводят.

Второй акт.

Первая сцена

Сцена темнеет.

Голос за сценой:

Одна притча, случайно услышанная мною в переполненном трамвае от одного проповедника, запала мне в душу и долго дарила надежду.

Он рассказывал о том, как один человек, завершая свой жизненный путь, обернулся назад и увидел позади две цепочки следов, сопровождавшие его в минуты радости. За своим плечом он увидел Бога. В минуты же скорби и отчаяния следы были только от одной пары ног. Он начал пенять, что Господь забывал о нём как раз тогда, когда был больше всего ему нужен. - Я никогда не оставлял тебя, - спокойно и величественно повторил Бог. - В самые трудные моменты твоей жизни я нёс тебя на руках.

Марата осудили на 2 года с отбыванием наказания в «Матросской тишине». Часто и подолгу размышляя о судьбе Марата, сам я всегда боялся оказаться на его месте, помня пословицу: «от тюрьмы и от сумы не зарекайся», тем более что никогда не был паймальчиком, и в моей юношеской биографии была пара фактов, способных этому поспособствовать. К счастью для меня, и большие мои провинности остались безнаказанными. Видимо, как раз в эти моменты сам Господь нёс меня на руках. Марату же не повезло. Я никогда не осуждал его, понимая, что это было лишь ужасным, нелепым стечением обстоятельств.

Мои раздумья в итоге стали обретать осязаемую форму: я начал работу над сценарием фильма о заключённых. Но моего жизненного опыта явно не хватало, и, пользуясь своими обширными связями, мне удалось выхлопотать себе пропуск, открывающий для меня двери любого исправительного заведения на территории страны, чтобы изучать быт заключённых. Конечно, начал я изучение материала с посещения «Матросской тишины». За те полгода, что Марат провёл в заключении, ещё никто из соседей ни разу не навещал его. Однажды, вернувшись домой, я слышал на кухне обрывок разговора Лидии с матерью, которая винила себя в произошедшем и сетовала на то, что боится идти к нему на свидание, чтобы не спровоцировать ещё большей беды. Дальше слушать, конечно, было не в моих правилах, но я надеялся рассказать об этом Марату.

Комната свиданий.

Григорий и Марат сидят друг перед другом и молча, смотрят.

Надзиратель: У вас осталось 5 минут.

Марат: (собирает в сумочку принесённые Григорием гостинцы).

На улице жарко?

Григорий: Очень.

Марат: А тут прохладно, как в раю! (Марат зовёт, надзирателя и они уходят).

К Григорию подходит старшина и сообщает, что с ним хотел бы поговорить начальник тюрьмы. Они идут по длинному коридору. Открываются и закрываются решётчатые двери. Слышен лязг ключей. Григорий входит в комнату к начальнику тюрьмы. На рабочем столе начальника тюрьмы, лежат колбаса, хлеб, лук и открытая баночка консервов.

Нач. тюрьмы: Ааа, вот и вы! Проходите, садитесь.

Начальник тюрьмы открывает сейф и достаёт оттуда бутылку водки и гранёный стакан. Наливает в стакан водки.

Нач. тюрьмы: *(стукнув бутылку о стакан)* Будем? *(пьёт из горлышка бутылки и закусывает колбасой)*. Это мой кабинет. А это *(показывая вокруг)* моя тюрьма. Хотя, почему тюрьма? Это мой дом родной, в котором всё подчинено моему приказу. Здесь даже пукают по моей команде. И вы знаете, я очень гостеприимный хозяин. Все рано или поздно оказываются моими гостями. *(Снова выпивает из горла)* А для меня никакой разницы нет, кого встречать. Будь то инженер или директор школы, водитель или... сценарист. *(Смотрит на Григория)* Я даже подумываю о том, чтобы открыть тут кружок самодеятельности.

Григорий: Вы хотели со мной поговорить, только чтобы сообщить мне об этом?

Нач. тюрьмы: Да нет, просто я хотел познакомиться. *(Многозначительно смотрит на Григория)* Мало ли... Может, ещё встретимся у меня.

Григорию становится жарко, он покрывается испариной. Григорий расстегивает верхнюю пуговицу рубашки и чуть расслабляет галстук.

Нач. тюрьмы: Ну что вы так разволновались? Вам у меня не нравится?

Григорий: По правде говоря, здесь у вас душновато.

Нач. тюрьмы: Ну что вы, голубчик? По сравнению с камерами заключённых, тут практически свежий, горный воздух. Они же сидят по 8-9 человек, в камерах, рассчитанных на 4 зека. Вот, выпейте. Должно помочь.

Нач. тюрьмы ставит перед Григорием мутный стакан и хочет налить в него водки.

Григорий: Наверное, я уже пойду. А то, я и так задержался у вас тут.

Нач. тюрьмы: Задержался? *(смеётся)* Вы сидите у меня всего то, минут пять и уже хотите уйти. А тут у меня сидельцы сидят, по 20-25 лет. Вот они, действительно, задержались. Эх, вот было золотое время, когда я работал начальником женской колонии. Потрясающее было время! Вызывал к себе любую. Представляешь, 1200 баб и выбирай любую. Бывало, что залетали. А я, как узнавал об этом, то сразу устраивал им встречу с другими мужиками. А потом вешал на них моих деток. Но ты не думай, что я бросал своих детей. Вот *(Нач. тюрьмы достаёт из сейфа пухлую папку)* Все они здесь. Здесь всё. Где они? Как их зовут? Кем стали? Теперь я, своего рода, отец-герой. Как видишь, и в такой жизни есть свои радости. Просто, чтоб познать их, надо тут *(выдерживает паузу)* пожить.

Григорий встаёт из-за стола и на слабых ногах выходит из кабинета. Нач. тюрьмы следует за ним. В это время по коридору конвоиры ведут арестанта. За арестантом тянется лужица мочи. Нач. тюрьмы, увидев это, с разбегу пинает арестанта в спину. Потом разворачивается, и бьёт одного из конвоира под дых.

Нач.тюрьмы: Вашу мать, а! Что вы тут антисанитарию разводите? Как же вы мне надоели! Всех в могилу сведу, суки!

Григорию становится плохо. Он, опираясь о стену, пытается найти выход. Увидев это, нач.тюрьмы приказывает одному из конвоиров вывести Григория на улицу. Нач.тюрьмы смотрит ему в след и многозначительно улыбается.

Голос за сценой:

Я долго бродил по улицам, пытаюсь справиться с обрушившимися на меня за день впечатлениями. Ни яркое весеннее солнце, ни весёлая капель, ни яркие клумбы с крокусами и гиацинтами, благоухающими на весь квартал, уже не могли вернуть мне утреннего благодушия. Наконец я стал замечать, что уже довольно темно и, наверное, поздно.

Пытаясь понять, в каком районе города оказался, я заметил ярко освещённую витрину книжного магазина. Увидев за прилавком миловидную девушку с длинными пепельно-русыми волосами, собранными в тугой хвост на затылке, и огромными серыми глазами, я почувствовал в ней что-то знакомое и родное и поспешил войти.

Город. Книжный магазин. За прилавком стоит молодая девушка и читает книгу. Григорий проходит мимо магазина. Увидев за прилавком красивую девушку, Григорий останавливается и, подумав, заходит в магазин.

Григорий: Здравствуйте. Я только что вышел из тюрьмы. У вас не будет десяти рублей в долг? Я очень есть хочу.

Девушка, оторвавшись от книги, испуганно смотрит на Григория.

Григорий: Ну что вы испугались? Я не сделаю вам ничего плохого. Дайте мне просто десять рублей. Я обещаю, что верну их.

Девушка дрожащими руками достаёт из кассы всю дневную выручку и протягивает Григорию.

Григорий: Нет. Этого много. Мне нужно всего лишь десять рублей.

Девушка испуганно смотрит на Григория. Григорий улыбается девушке, поворачивается и идёт к выходу.

Девушка: Эй, стойте.

Григорий поворачивается и видит девушку, которая протягивает ему 10 рублей. Григорий берёт их.

Григорий: Я обязательно верну вам. Обещаю.

Григорий заходит в ближайший продуктовый магазин и покупает булку. Потом, жуя булку, подходит к книжному магазину. Девушка видит, как Григорий смотрит на неё. Девушка вытирает с глаз слезинку. Григорий уходит.

Двор дома. Соседи сидят за столом и что-то бурно обсуждают. Входит Григорий.

Анатолий: *(Пьяным голосом)* Знаешь, Гриша. Мы все против того, что бы сносили этот дом. Мы ни за что не согласны уезжать отсюда.

Григорий: Это правильное решение. Этот дом нам очень дорог. Мы пережили здесь прекрасные времена. И я ни за что не согласен отдавать его какому-то зажавшемуся толстосуму.

Павел Петрович: Кстати, а знаешь кто этот зажавшийся толстосум?

Григорий: Кто?

Павел Петрович: Ты его отлично знаешь. Это тот самый Максим. Помнишь его? Он с тобой учился ещё в школе.

Григорий: Да неужели!? Вот сволочь.

Анатолий: Сволочь - не сволочь, а своё дело знает. Говорят, сейчас он большой начальник. Пол-Москвы скупил и замахивается на вторую половину.

Григорий: Чего же ему не хватает? Что ему, других мест под застройку мало?

Павел Петрович: Я тоже не могу взять в толк. Прицепился именно к нашему дому. Как бульдог.

Сара: Сегодня опять приходили за подписями.

Григорий: Ну и?

Сара: Что, ну и? Я подписала.

Григорий вопросительно смотрит на Сару.

Сара: *(засмеявшись)* Подписала неприличным словом.

Григорий тоже смеётся в ответ. Рая выходит из квартиры и, держа в руках какую-то папку, спускается по лестнице.

Анатолий: Раечка, доченька. Ты куда-то идёшь?

Рая: Да, папочка. Мне нужно подписать несколько контрактов. У меня проекты висят. Сегодня продаём несколько новостроек в центре. Проект на несколько сот миллионов долларов.

Анатолий: Хорошо, доченька. Иди. Удачной сделки. Только поздно не возвращайся, а то мы волнуемся.

Рая уходит. Повисает пауза. Анатолий со вздохом обращается к Павлу Петровичу.

Анатолий: Неужели нет никакого лечения от шизофрении? Бедная девочка. Сердце разрывается, когда смотрю на неё.

Павел Петрович: Я уже тебе говорил, Толя, что есть лекарства, которые лишь подавляют болезнь. Полного излечения не существует. У всех пациентов с этим диагнозом, которые наблюдаются у врачей, рано или поздно происходят рецидивы. Раечка - спокойная девочка. Она живёт в своём мире, в котором занимается риелторством. Просто не надо лезть к ней туда. Пусть продаёт и покупает свои дома и земельные участки. От вас требуется лишь терпение и забота. Это ей сейчас нужнее лекарств и терапий.

Во двор входят Измаил и Лида. Они молча поднимаются в квартиру к Лиде.

Роза: Вот бесстыдники, это уже никуда не годится! Совсем совесть потеряли! Упрятали Маратика в тюрьму, а сами милуются у всех на виду.

Павел Петрович: Не лезь не в своё дело.

Роза: Как это не моё дело? А кто об этом будет беспокоиться, если не мы? У Маратика никого кроме нас нет.

Из калитки во двор просовывается чья-то бритая голова.

Роза: (Павлу Петровичу) Вставай, опять за сыром пришли.

Григорий: (смотря на криминального вида покупателя сыра) Что-то он не очень похож на любителя сыра.

Павел Петрович возвращается с пакетом сыра и протягивает его бритому. Бритый берёт пакет и спешно выходит из калитки.

Второй Акт. Вторая сцена.

Офис. Кабинет Максима.

1-ый человек с папкой: (Прихрамывая, на одну сторону ходит за Максимом) Я никак не могу заставить их подписать договор. Они сопротивляются. А за всем стоит этот Григорий. Это он подговаривает их не подписывать договоры.

Максим: (Держа в руке сигару) Этот так просто не согласится. Упёртый. Ну, ничего. (Повернувшись к подчинённому) Представьте, что играете в шахматы. Начните с малых фигур. Нужно, для начала, обработать Марата и его жену. После того, что у них случилось,

они вряд ли будут жить вместе. Измаил, думаю, тоже не будет артачиться. А если он согласится, то его престарелый отец тоже подпишет договор. Кто там ещё?

2-ой человек с папкой: Анатолий с его сумасшедшей семейкой.

Максим: Ах да. Этот алкоголик. Думаю, если его с одной стороны прижать, а с другой стороны пообещать всяческих благ, то он тоже сломается. *(1-ому человеку с папкой)* Отправьте туда санитаров из неврологического диспансера. Пусть поднажмут. Скажут, что его дочь должна лечь в больницу в связи с её душевным состоянием. А потом придёте вы и скажете, мало того что, решите все проблемы с психушкой, но и возьмёте эту девочку на работу в риелторскую контору. Думаю, такой расклад дел, перевесит его упрямство. *(После паузы)* Ну, что стоите? Действуйте!

2-ой человек с папкой: Сейчас же исполним.

1-ый человек с папкой: Кстати, Максим Яковлевич, у вас шнурок на ботинке развязался.

Максим: Развязался – завяжи.

1-ый человек с папкой: Но, Максим Яковлевич, мне тяжело наклоняться.

Максим: Может, тебе и работать тяжело? Можешь передать дела помощнику и написать заявление об увольнении.

1-ый человек с папкой, после этих слов, быстро наклоняется и завязывает шнурок ботинка Максима. Максим, самодовольно улыбнувшись, затягивается сигарой.

Второй акт. Сцена третья.

Город. Книжный магазин.

Григорий стоит перед витриной книжного магазина. Через стекло он видит, как девушка рассчитывается с очередным покупателем. Подняв голову, девушка, видит Григория. Она знаками показывает Григорию, чтоб он заходил. Григорий заходит в магазин.

Девушка: *(доставая из сумки несколько купюр денег)* Возьми. Это я тебе принесла.

Григорий: А откуда ты знала, что я приду именно сегодня?

Девушка: А я не знала. Я каждый день приносила эти деньги с собой, в надежде, что ты придёшь. Не стесняйся, бери. Я же знаю, тебе нужны деньги.

Григорий: Нет, не надо.

Девушка: Почему? Тебе же нужны деньги. Тебе нужно купить одежду и обувь.

Григорий: Нет. Спасибо.

Девушка: А зачем же ты пришёл?

Григорий: Не знаю. Я просто хотел видеть тебя?

Девушка: Что?

Григорий: *(смутившись)* Ну, в смысле, я. *(тут Григорий, порывшись в карманах достаёт десятирублёвую монету)* Вот, я тебе принёс должок.

Григорий протягивает изумлённой девушке, десятирублёвую монету.

Двор дома. Во дворе шум, крики, женский плач. Во дворе стоят два санитар и человек в белом врачебном халате.

Врач: *(Анатолию)* Поймите. Мы должны отвезти эту девушку в больницу, для обследования. Это в её же интересах. Она может быть социально опасной. У этой болезни могут быть не предсказуемые обострения.

Анатолий: Не дам её отвезти. Не дам, и точка! Только через мой труп.

Павел Петрович: *(Врачу)* Уверяю вас, она абсолютно безопасна для окружающих. Говорю это вам, как врач. У неё просто небольшие проблемы с психикой. А скажите мне, у кого их нет в наше время?

Врач: Это ваши предположения. А я просто выполняю свою работу. И если вы мне хотите помешать в этом, мне придётся приехать сюда с милицией.

Роза: Да что же это делается, а? Люди добрые! Да как вы можете быть такими бессердечными? Её же загубят там! Заколют разными лекарствами до смерти.

Врач: Женщина, не разводите панику. Никто не собирается её убивать. Это обычное обследование.

Анатолий: Знаем мы ваше обследование. Оттуда здоровые люди больными выходят. Что говорить уж о больных?

Врач: Ну, всё. Мне это надоело. *(Санитарам)* Забирайте её, и едем уже.

Санитары пытаются пройти в квартиру. Жильцы дома преграждают дорогу санитарам. Завязывается потасовка. Во двор заходят люди с папками.

1-ый человек с папкой: Что тут происходит?

Врач: Ничего особенного. Мы выполняем свой долг.

Анатолий: Они хотят отобрать у нас мою дочку и увезти в психушку.

2-ой человек с папкой: *(Подойдя к врачу и сунув ему в карман долларовые купюры)* Думаю, с этим мероприятием можно и повременить.

Врач: Что вы делаете? Это уму непостижимо! Вы даёте взятку при исполнении. Вы в курсе, что это противозаконно?

2-ой человек с папкой нехотя и зло сует ему ещё денег.

Врач: *(санитарам)* Эй, ребята. Оставьте это занятие. Придётся приехать сюда с милицией.

Санитары отходят от толпы и вместе с врачом направляются к машине.

2-ой человек с папкой: *(шёпотом 1-ому человеку с папкой)* Вот пройдоха! Мы с ним так не договаривались. Он взял больше, чем положено.

1-ый человек с папкой: Ну, ничего. Вот, обстряпаем это дело, будем в шоколаде. *(Далее подзывая Анатолия)* Анатолий Иванович, можно с вами переговорить?

Анатолий с недоверчивым видом подходит к 1-ому человеку с папкой. Они уходят со двора. Григорий входит во двор.

Григорий: *(увидев толпу)* Что тут случилось?

Роза: Они хотели увезти Раю.

Григорий: Кто?

Роза: Какой-то доктор. Он сказал, что нужно провести обследование. И что Раечка опасна для окружающих.

Григорий: Бред какой-то.

Роза: Вот-вот. И они говорили, что у неё бредовые идеи.

Григорий: Да я не об этом. А где Анатолий?

Павел Петрович: Они увели его.

Григорий: Кто? Доктор?

Павел Петрович: Нет. Они *(указывая на людей с папками пожимающие руку Анатолия)*.

Анатолий молча проходит в свою квартиру. Лев Сергеевич выходит из квартиры и, закрывая дверь, не поворачиваясь к присутствующим:

- Я поставил свою подпись.

Присутствующие смотрят на Льва Сергеевича молча.

Лев Сергеевич: Что? А что мне оставалось делать? Я старый, больной человек. Я вкалывал на это государство всю жизнь. Каждый день. Из года в год. *(Лев Николаевич поворачивается к людям)* И как оно меня отблагодарило? Я за свою жизнь ничего не видел кроме бесконечных гарнизонов, военных приказов, лизоблюдства и стукачества. Мне надоело. Я хочу жить как человек. Короче говоря, мы решили подписаться. Они пообещали хорошие деньги за эту халупу. В общем, мы уезжаем.

Лев Николаевич спускается по лестнице. За ним следует заплаканная Сара. Они уходят со двора.

Третий акт. (Первая сцена)

Голос за сценой:

В центре Москвы раньше было небольшое здание в стиле Барокко. Я любил смотреть на него, проезжая мимо университета. Его ласково называли «Ректорский домик» Оно выделялось на фоне окружающих построек какой-то особенной культурой, что ли.

Мальчишками мы часто гуляли в этом районе, и я любовался удивительным для общей однотипной серости современных московских улиц розовым домиком. В отличие от окружающих типовых коробок, он был как-то особенно изящен: на нежно-розовых стенах витые колонны, украшающие оконные проёмы, смотрелись незрелыми бутонами в кустах цветущих роз. Ещё больше усиливало это впечатление узорчатое кружево белой лепнины. Строгое оформление в сочетании с романтически-кокетливыми завитушками создавало ощущение того, что архитектор, пытаясь спрятать за строгими прямоугольными

латками на углах здания свою тонкую и чувственную натуру, не сумел замаскировать её до конца.

Ректорский домик так уютно примостился среди изумрудных газонов, что мне хотелось стать ректором Московского университета, чтобы хоть немного пожить в нём. Я мечтал, что однажды куплю его, и мы с Мариной будем растить в нём наших детей. Но моим мечтам не суждено было сбыться. Оно, конечно, подрастеряло свою красоту и, как писали, было в аварийном состоянии, но, несмотря на существовавший проект реконструкции, было снесено. Год назад на его месте вырос новодел, несмотря на то, что, как я узнал позже, здание носило помету исторического сооружения, т.к. раньше было усадьбой князей Волконских.

Тяжёлые деревянные двери с витыми ручками и коваными узорами теперь заменили жадно шамкающими стеклянными. Они распахивали свои ненасытные пасти, стоило лишь приблизиться к ним почти вплотную.

Таковыми же стеклянными льдинами был обезображен мансардным остеклением, которое современные архитекторы гордо именовали панорамным. Однако теперь здание выглядело калеккой, инвалидом, от которого остались лишь отдалённые черты некоего сходства.

Именно сюда, как оказалось, вела меня неумолимая судьба. Это было очередное кладбище моих надежд. Но именно здесь мечтал я добиться сохранения последней ценности в моей жизни – родного дома.

Кабинет Максима.

Григория встречает прихрамывающий господин в чёрном костюме. Он масляно улыбается и расшаркивается в дверях офиса, куда направляется доложить о приходе Григория.

В углу комнаты на натёртом до блеска паркете расположилось массивное старинное бюро из красного дерева. На нём в мраморной чернильнице, пара гусиных перьев. На груди писчей бумаги картинно уложено тяжёлое пресс-папье, видимо, составлявшее комплект с чернильницей.

На окнах висят тяжёлые гардины под цвет дорожки, украшенные золотистыми кистями и бахромой.

Секретарь угодливо и картинно распахивает перед Григорием двери кабинета хозяина и приглашает войти с умильно-слащавой улыбкой.

Максим сгребает Григория в охапку и хлопает по спине. Едва он ослабляет хватку, как Григорий отстраняется.

Максим: Гриша, привет. Какими судьбами?

Григорий: Отставь нас в покое. Тебе что, мест других мало?

Не обращая внимания на волнение Григория, Максим с верхней полки достаёт вино в приземистой пузатой бутылке, оплетенной соломой, на которой изображён чёрный петух, а ниже, по всей видимости, итальянская надпись «Кьянти»

Рубиново-красная жидкость наполняет роскошные хрустальные фужеры, и Максим протягивает Григорию один, вальяжно пригубив из второго.

Максим: (Откинувшись на спинку кресла) Каких мест? Я не понимаю, о чём ты говоришь.

Григорий: Ты всё прекрасно понимаешь. Хватит строить из себя идиота.

Максим: Ты забываешься. Одно моё слово, и тебя выбросят отсюда, как щенка. Ты хотел попросить меня о чём-то? Если да, то поторапливайся. У меня мало времени.

Григорий: Попросить? Нет, я пришёл требовать. Требовать, чёрт возьми, чтоб ты не трогал наш дом.

Максим: *(закуривая сигару)* Ах, вот ты о чём. Поздно, Гриша. Проект находится уже в разработке.

Григорий: Проект? Это наш дом, а не твой чёртов проект. Это дом, в котором я родился и вырос. Там прошло моё детство. Мне дорога память об этом месте. И я не хочу жить где-либо ещё!

Максим: Господи, как мне надоели эти сопли! Каждый раз одно и то же! Веришь, я сейчас продолжить твою речь могу ещё десятком подобных вариантов! Наслушался так, что уже наизусть всё знаю! Только, пойми ты, уже всё проплачено. У меня проект стоит, серьёзные люди начинают волноваться. Из-за вашей дурацкой ностальгии я теряю кругленькую сумму. Таковую, на которую тебе своей писаниной не заработать и за три жизни.

Григорий: Ты привык всё покупать, да?

Максим: В этой жизни всё продаётся и покупается. Я отношусь к тем, кто покупает. А вот ты *(Максим из носа выпускает струю дыма)* к тем, кто продаётся. Ты неудачник, Гриша. Ты всегда был неудачником. Ну, хватит об этом. Давай к делу. Сколько ты хочешь? Ну, в самом деле, ты же не пришёл сюда, чтобы рассказать мне весь этот сентиментальный маразм.

Григорий: Мне ничего не надо. Я же сказал, я хочу, мы хотим, чтобы ты оставил нас в покое.

Максим: Да, я думал, ты умнее...

Максим встаёт из-за стола и подходит к окну.

Максим: *(Смотря в окно)* Гриша, ты помнишь Марину? Ту, которую ты любил в детстве?

Григорий: Причём тут она? Ты знаешь о ней что-нибудь?

Голос Григория становится взволнованным. Максим, заметив это, оглядывается через плечо на Григория. Затем поворачивается к окну и продолжает.

Максим: У тебя на размышления неделя времени. Будь благоразумен, подпиши договор. Незачем попросту тянуть время. Я, всё равно, добьюсь своего. Я всегда добиваюсь.

Григорий: Никогда! Костями лягу, но ты не разрушишь наш дом. Я дойду до генеральной прокуратуры.

Максим: *(громко смеётся)* Глупый ты человек, Гришка. В прокуратуру он собрался. А чего тебе туда идти? Я с прокурором сегодня играю в гольф, приходи и ты. Как раз и выразишь ему своё недовольство и подашь жалобу. Григорий, посмотри на нас. Ты никто! Простой сценаристика! Пустое место! А у меня только прикормленных ментовских начальников по Москве несколько сотен. Я же тебя раздавлю, как букашку. И даже не замечу этого.

Григорий поднимается со стула и идёт к выходу. Задумавшись, он останавливается. Затем достает из кармана мелочь и подходит к камину, на котором лежит какое-то

старинное блюдо, изукрашенное сценами охоты на оленя, и высыпает на старинный фарфор звенящие монеты. Их звон раздаётся в необычной акустике кабинета.

Григорий: Эй, на вот тебе мелочь. В киоск завезли новые журналы. Сбегай, купи мне один номер.

Григорий хлопает за собой дверь. Максим садится на своё место и закуривает новую сигару.

Третий акт. Вторая сцена.

Квартира.

Мать сидит в кресле и читает книгу. Входит Григорий.

Григорий: Здравствуй, мама. Что читаешь?

Мать: *(Встаёт с кресла)* Бальзака, сынок. Мой руки, и садись за стол.

Григорий: Все женщины мира читают Бальзака.

Мать: С чего ты так решил?

Григорий: Это же Бальзак сказал: «Женщина должна принадлежать тому мужчине, который избавит её от проблем».

Мать: Не знаю, сынок, может и Бальзак. Но я слышала и другую цитату: «Женщина должна принадлежать тому мужчине, который избавит её от проблем и не создаст ей новые». Моего Бальзака, твоего отца, у меня украли те же женщины. Хорошо, что ты не похож на отца. Хотя, и на Бальзака тоже. Но, сынок, ты знаешь, что тебе пора жениться.

Григорий: Мама, ты опять за своё.

Мать: Сынок, ну неужели ты такой привереда, что ни одна девушка тебе не нравится?

Григорий: Мама, ну нет у меня ни кого. Просто, я ещё не встретил ту единственную, которую я люблю.

Мать: Что-то мне начинает казаться, что я не доживу до этого счастливого дня.

Григорий: Ну, мама, не говори так. Ты всегда этим заканчиваешь любой наш разговор.

Мать: Сынок, я старая женщина. Все мои подруги уже давно нянчат внуков. А чем я хуже? У меня есть только ты, и вся надежда на тебя.

Григорий: Ну ладно, ладно. Есть у меня одна девушка на примете.

Мать: Слава тебе, Господи. Наконец-то! Расскажи, кто она? Где живёт?

Григорий: Да не знаю я.

Мать: Как это не знаешь?

Григорий: Я её видел в магазине. Она продавщица. Она мне просто понравилась.

Мать: Ну, уже что-то.

Григорий: Мама, у нас даже денег нет на свадьбу.

Мать: *(после паузы)* Сынок, я как раз об этом хотела с тобой поговорить. Недавно звонил человек, представился Максимом. Очень приятный молодой человек. Он предложил продать нашу эту квартиру за хорошие деньги. Этих денег хватит и на свадьбу, и на новую квартиру.

Григорий: Мама, очень напрасно ты с ним говорила по этому поводу. Я эту квартиру не продам и точка! Даже, если мне придётся умирать с голоду и прожить всю жизнь холостяком. *(Григорий встаёт из-за стола)* Теперь это, для меня, уже дело принципа! Посмотрим, кто кого. *(Григорий, громко хлопнув дверью, выходит из квартиры).*

Двор двора.

Соседи собрались у двери пустой квартиры Льва Сергеевича. К соседям подходит Григорий.

Григорий: Что случилось?

Роза: Приехали люди в милицейской форме. И, вроде как, с ними начальник какой-то тюрьмы. И ещё те двое, с папками. Вызвали Павлика. Сейчас говорят о чём то.

Григорий: А о чём говорят?

Роза: Не знаю, Гриша. Вот сидим, ждём.

Нач.тюрьмы сидит за столом. Перед ним сидит Павел Петрович. За нач.тюрьмы стоят несколько человек в форме и люди с папками.

Нач.тюрьмы: Значит, не будешь подписывать?

Павел Петрович: Я не понимаю, какое отношение начальник тюрьмы имеет к этому делу?

Нач.тюрьмы: Самое прямое. Если ты не подпишешь бумагу, то у нас будет много времени, чтоб я тебе объяснил.

Павел Петрович: Это не слыханное дело! Вы мне угрожаете? Я законопослушный человек.

Нач.тюрьмы: Ну да, конечно. А как вы объясните вот это? *(Нач.тюрьмы кладёт на стол пакет с сыром).*

Павел Петрович: *(побледнев, закуривает)* Сыр. Ну да. Продавать сыр теперь уголовное преступление?

Нач.тюрьмы: Нет. Сыр продавать можно. Но вот это *(нач.тюрьмы достаёт из кармана несколько ампул морфия и кладёт на стол, перед Павлом Петровичем)* уголовное преступление.

Павел Петрович некоторое время смотрит на ампулы с морфием.

Павел Петрович: *(Дрогнувшим голосом)* Ну, и что это?

Нач.тюрьмы: Это, Павел Петрович, морфий. Который вы продавали, засунув их в куски сыра.

Павел Петрович: Что за бред?

Нач.тюрьмы: Это отнюдь не бред. А очень даже хорошая идея. Продавать наркотик в кусках сыра. Такого в моей практике ещё не было.

Павел Петрович: Я этого не делал. У вас нет доказательств.

Нач.тюрьмы: Доказательства? На этих ампулах полно ваших отпечатков пальцев. Да, кстати, тот лысый зек, которому вы продали последнюю партию, старший лейтенант правоохранительных органов. Павел Петрович, теперь вы поняли, что последующие несколько лет, мы будем гораздо чаще встречаться. И у нас будет куча времени, чтоб я объяснил вам свою причастность к этому делу?

Павел Петрович покрывается испариной. У него начинают дрожать руки. Нач.тюрьмы, не отрывая взгляда от Павла Петровича, делает знак 1-ому человеку с папкой. Тот кладёт на стол бумагу и ручку. Павел Петрович, молча, берёт ручку и дрожащей рукой ставит свою подпись.

Нач.тюрьмы: Ну, вот и отлично, Павел Петрович. Вы умный человек. Кстати, не будете так любезны, отвесить мне пару килограммов сыра. Уж очень вкусный он у вас.

Павел Петрович встаёт из-за стола и выходит из комнаты. На улице встретившись взглядами с Григорием, Павел Петрович, опускает глаза и быстро проходит в свою комнату. В комнату входит Григорий.

Григорий: Что тут происходит?

Нач.тюрьмы: О, а вот и наш кинодраматург. Старый знакомый. Проходите, как раз с Вами я и хотел встретиться.

Григорий: Не могу сказать, что мне приятна эта встреча.

Нач.тюрьмы: Ну, откуда такая неприязнь?

Григорий: От предыдущей нашей встречи.

Нач.тюрьмы: Вы напоминаете мне меня же в молодости. Такой же горячий и дерзкий. Но, в отличие от вас, я был благоразумнее. Я не понимаю, почему вы так упрямы? Одна ваша закорючка, и все довольны.

Григорий: Кто это все? Я, например, буду очень не доволен.

Нач.тюрьмы: Слушайте. Когда я был так же молод как вы, то остался совсем один на этом свете. Судьба выбросила мене на обочину дороги. Передо мной были две дороги: стать преступником или служителем закона.

Григорий: Я смотрю, у вас хорошо получилось совместить эти два понятия.

Нач.тюрьмы: *(громко смеётся)* Ты ещё молодой и многого не понимаешь.

Григорий: *(вставая со стула)* Пожалуй, я пойду.

Нач.тюрьмы: Подождите. *(Кладёт перед Григорием бумагу и ручку)* Сделайте это. И можете идти.

Григорий: То- есть, если я не подпишу, то не выйду отсюда?

Нач.тюрьмы: Нет, нет, что Вы? Я всего лишь хочу с этим поскорее закончить.

Григорий: Да, начали вы весьма резво.

Нач.тюрьмы: *(Показывая на список соседей)* Как видите, мне ещё есть, куда стремиться.

Григорий: Я уже Максиму сказал свой ответ. *(Григорий выходит из комнаты)*

**Третий акт.
(Сцена третья)**

Сцена темнеет.

Сцена светлеет.

Город. Григорий с букетом цветов стоит перед магазином. Магазин закрыт. На двери вывешено объявление «Продаётся». Из глубины магазина тихо дребезжала пластинка; певец с чарующим голосом, поет песню на итальянском языке «Марина». Григорий с грустью уходит оттуда. Григорий медленно бредёт по улице. Вдруг, он видит в окне Марины свет. Григорий бежит к её дому и поднимается по лестнице. Дверь вдруг открывается, и на встречу к Григорию выходит Марина.

Она улыбается.

Григорий: *(С волнением)* Марина, Мариночка. Ты приехала! Ты снова тут! Я всё это время ждал тебя.

Марина: А ты, наверное, Григорий?

Григорий: Да, я Гриша. Тот самый. Ты меня не узнаёшь?

Марина: Столько времени прошло. Ты изменился. Возмужал.

Григорий: А ты совсем не изменилась. Ты всё такая же.

Марина: Да ну перестань. Мы все изменились. *(Посмотрев на букет)* А цветы кому? Неужели мне?

Григорий: *(опомнившись)* Ах, да. Ну, конечно, тебе. *(Протягивает цветы Марине).*

Марина: *(Беря цветы)* Ах, какие красивые! А что это мы стоим в подъезде? Проходи. *(Григорий проходит в квартиру).*

Марина: И всё-таки, я не верю, что эти цветы предназначались мне. Ты же не мог знать, что я приеду.

Григорий: Я не знал. Я просто хотел принести к твоей двери цветы. В знак моей давней любви.

Марина: *(смеясь)* Ах ты, врунишка. Так я тебе и поверила. Но всё равно я их приму с благодарностью. Спасибо.

Григорий: Наверное, это будет звучать как глупость, но, Марина, я так рад, что ты приехала. Я всё это время тебя ждал. С тех пор, как ты уехала, я жил одними воспоминаниями. Я жил только памятью о тебе. Боже мой, что я говорю.

Марина: Всё нормально, Гриша. Можно я тебя буду так называть?

Григорий: Конечно можно.

Марина: Ну, так вот, Гриша. В отличие от тебя, я жила настоящим. Помнишь, я тебе говорила, что для любви мы ещё дети? Мы тогда не понимали, что делали.

Григорий: Ну, сейчас, мы уже не дети.

Марина: Но сейчас мы уже не те. Слишком многое изменилось.

Григорий: Что изменилось? Я по-прежнему люблю тебя.

Марина: *(после паузы)* Гриша, я слишком устала. Я хотела бы отдохнуть. У меня был долгий перелёт.

Григорий: Конечно, извини. Я не подумал. Но, могу ли я надеяться видеть тебя завтра? Приходи ко мне. Я предупрежу маму, она накроет стол. Ей тоже будет приятно увидеть тебя.

Марина: *(чуть подумав)* Хорошо, Гриша. Я приду. А теперь иди, уже поздно.

(Гриша прощается и уходит).

Двор дома.

Во дворе дома накрыт стол. За столом сидят соседи. Один из стульев свободен. Григорий ходит вперёд и назад по двору.

Анатолий: Ну, что ты мечешься, как лев в клетке? Наверное, опаздывает. Сейчас придёт.

В этот момент открывается калитка и входит Марина. Григорий встречает её и проводит к столу. За столом все приветствуют Марину.

Анатолий: Ну, теперь можно начинать.

Марина: О, какая красивая столовая посуда. У меня тоже есть такая. Это Италия. Начало ренессанса. Откуда она у вас? *(Обращается к матери Григория).*

Мать: Это мой покойный муж привёз из командировки. А я и не знала, что пользуюсь такой редкостью... По правде говоря, я не очень-то и разбираюсь в этом.

Анатолий: Не понимаю, какая разница, откуда посуда? Главное, чтобы в ней было что-нибудь вкусненькое.

Марина: *(на ушко Григорию)* И ложки с вилками у Вас серебряные. *(Григорий, поперхнувшись, пьёт воду).*

Мать: *(Марине)* Дочка, ну рассказывай. Как там твой отец? Как брат?

Марина: Отец два года тому назад умер от гепатита.

Роза: *(Матери)* Слышала? Умер от гепатита. Посуду в хлорке прополощешь.

Марина: Ну, а брат в Париже. Он ученик Ролана Пети, художественного руководителя Французского балетного театра. Мой брат полностью отдался этому искусству. А я работаю исполнительным директором в одной известной европейской компании, которая занимается электрификацией строящихся зданий. Наша компания занимается этим по всему миру. И надо сказать, что моя работа мне очень нравится.

Рая: Кстати, ваша компания может мне пригодиться. У меня на руках, сейчас, несколько многомиллионных проектов. Вы не могли бы дать мне свою визитку?

Анатолий: Дочка, зачем тебе ещё и электрификация твоих проектов? Ты их и без этого прекрасно продаёшь.

Рая: Видите, мой отец прекрасно осведомлён о моих делах. И он может подтвердить вам мои серьёзные намерения.

Роман: *(Марине)* Ваш брат выбрал хорошую профессию. Жаль, что мне не так повезло как ему. А ведь я очень люблю балет. Я бы с удовольствием пошёл бы на премьеру.

Анатолий: Ты бы лучше с удовольствием устроился на работу.

Роза: *(Анатолию)* Ну, дай ребёнку тоже сказать. Что ты встречаешь?

Роман: *(торжественно)* Да, я очень люблю балет. Я даже написал про балет стихотворение. Хотите, расскажу?

-Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,

Стоит Истомина. — Она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит...
И вдруг прыжок, и вдруг летит...
Летит — как пух от уст Эола!
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

На этих словах он картинно замер с таким выражением лица, как будто только что выступил перед Нобелевским комитетом и прямо сейчас ему обязаны незамедлительно вручить премию.

Марина: Очень красиво. Но это же написал Пушкин в «Евгении Онегине».

Роза: Как это, Пушкин? Это же только, что рассказал Роман...

Анатолий: Рассказать то рассказал. А вот написал Пушкин. Это я как историк подтверждаю.

Марина: Эти строчки из «Онегина», посвящённые описанию танцующей Истоминой. Для практиков балета, стихи содержат клад сведений. Образ танцующей Истоминой, описанный поэтом, отличается реалистической конкретностью деталей. Фразы: «Одной ногой касаясь, пола, другою медленно кружит» или «то стан совет, то разовьет». «И быстрой ножкой ножку бьет» наглядно воспроизводят танцевальные движения *gond da jambe, renversee, battement battu*. Стихи великого позволяют судить о высоком уровне развития хореографии той эпохи.

Повисает молчаливая пауза.

Павел Петрович: Да, Пушкин был гением.

Анатолий: Я думаю, что он жил бы дольше, если не его жена.

Павел Петрович: В общем, темное это дело.

Григорий: *(Встаёт с места)* С вашего позволения, я бы хотел сказать тост. Сегодня Марина - наша гостья. Столько лет прошло, а я каждый день мечтал её снова увидеть. И вот, Марина тут, и я проживаю эти счастливые минуты рядом с дорогими мне людьми. Я счастлив, и хочу этот тост поднять за Марину, которая, даже находясь вдали от меня, продолжала жить в моём сердце.

Анатолий: У меня дополнение. Как говорил поэт: Мужчина – царь, мужчина-бог. Но он всегда у женских ног.

Все чокаются бокалами и пьют.

Марина: Если позволите, я хотела бы прогуляться с Григорием. Это не займёт много времени. Мы скоро вернёмся.

Григорий: С вашего позволения.

Григорий идёт за Мариной. Григорий и Марина идут по аллее и увидев скамейку, на которой они сидели перед тем, как уехала Марина, садятся на неё.

Марина: Ах, как же здесь красиво. Посмотри, как цветут цветы.

Григорий: Это последние цветы этой весны.

Марина: Помню, как ещё в школьные годы, находила цветы на своей парте. А, между прочим, я всегда знала, что они от тебя.

Григорий: Откуда знала?

Марина: Ну что ты меня, совсем за дурочку принимал, что ли? Все знали это.

Пауза.

Марина: Да, многое изменилось с тех пор. И соседи постарели. Жаль, из старых друзей и одноклассников никого не встретила. Ты помнишь Юльку Горбушину?

Григорий: Юльку? Конечно, помню. Она вышла замуж за какого-то иностранца и уехала с ним. Прошлым летом приезжали отдыхать сюда. Уже двое детей.

Пауза.

Марина: А ещё кого видел?

Григорий: Ещё видел этого подлеца, Максима.

Марина: Максимку? Того самого? И почему же он подлец?

Григорий: Сейчас же, он не тот Максимка. Сейчас он большой начальник. Владелец строительной компании. И представь себе, хочет снести наш дом и построить на его месте торговый центр.

Марина: Не понимаю я тебя. А почему ты не хочешь переехать отсюда? Этим домам, наверное, 100 лет. Если предлагают хорошие деньги, то почему же не согласиться?

Григорий: И ты туда же? Сколько раз за последнее время слышал эти слова от разных людей! Но я не хочу переезжать. Мне нравится тут. Я здесь вырос. Почему я должен покидать родной дом из-за чьей-то прихоти? В конце концов, это дело принципа! Не уеду никуда, и точка!

Марина: *(внимательно смотрит на Григория)* Гриш, а ты меня действительно ещё любишь?

Григорий: *(Опешив)* Люблю. Я всегда тебя любил.

Марина: А ты уехал бы со мной?

Григорий: *(после паузы)* Марина, это так неожиданно. А как же мама, как же моя работа?

Марина: Ну вот, значит, не любишь.

Григорий: Как это не люблю? Просто я не хотел бы куда-то уезжать.

Марина: А, это всё из-за дурацкого принципа и из-за этой развалюхи, которую ты называешь домом?

Григорий: Да нет! Я даже не знаю, что сказать.... Ты не понимаешь!

Марина: А о чём же тут думать? Просто продай квартиру, и уедем вместе. Начнём новую жизнь. Только ты и я. Когда-то давным-давно, на этой же скамейке я тебе говорила, что мы ещё дети и нам рано говорить о таких вещах. Ну, так вот, теперь мы уже взрослые люди.

Мы сами строим свою жизнь. Просто надо сделать решительный шаг. И только ты выбираешь, каким он будет. Один очень мудрый человек сказал: «Мы часто отказываемся от предложений судьбы, ожидая чего-то большего в будущем. И не важно, почему ты отказался - из страха или по прихоти. Важно, что второго шанса у тебя может не быть».

(Марина встаёт и хочет уйти. Григорий держит её за руку. Марина отстраняет его руку) Гриш, я улетаю через два дня. Если надумаешь, то приходи. Я буду ждать.

(Марина уходит).

Григорий в задумчивости входит во двор дома. Соседи по-прежнему сидят за столом. Анатолий встаёт и подходит к Григорию.

Анатолий: Знаешь? Лида в больнице.

Григорий: Почему? Она же ещё с утра была здоровая.

Анатолий: Пришло известие, что Марату продлили срок.

Говорят, якобы, он подрался с кем-то там. Лида, услышав это, выпила уксус. **Григорий:** Ужас, какой. Что с ней?

Анатолий: Врачи говорят, что жить будет. Но, похоже, на всю жизнь потеряла голос.

Григорий молчит.

Анатолий: Слушай, Гриша, я хотел с тобой поговорить. Не обижайся, но я дал своё согласие на снос дома. Я не могу рисковать детьми. Что теперь? Мне эти камни дороже, чем родные дети? Да и деньги хорошие дают. На них можно две квартиры купить где-нибудь на окраине. И тебе тоже советую не упрячиться. Ты посмотри на это. (*Указывает на дом*) Это же старая рухлядь. Не сегодня, так завтра сама рассыплется.

Григорий: Так значит, ты тоже?

Анатолий: Слушай, я всё понимаю. Эта наша память и всё такое. Но нельзя постоянно жить прошлым. Нужно ещё думать о будущем.

Роза зовёт Григория и Анатолия к столу.

Григорий: Дядя Толик. Я уже говорил по этому поводу, что не согласен. И отступить от своего решения не желаю.

Они подходят к столу.

Роза: (*Анатолию*) Ну? Что говорит?

Анатолий: Упёртый, как осёл. Не хочу, говорит. Ждёт, пока пустят красного петуха, и спалят тут всё к чёртовой матери.

Павел Петрович: (*Матери*) Может, ты повлияешь, как-нибудь, на него?

Мать: А где Марина?

Григорий: Ушла.

Мать: Так быстро?

Григорий: Да, так быстро.

Анатолий: (*Матери*) Мы не сказали, спрашивай его о Марине. Скажи что-нибудь по существу вопроса.

Рая встаёт из-за стола и подходит к Григорию.

Рая: Замолчите все. Я сейчас с ним поговорю. (*Григорию*) Гриш, я понимаю твою боль и горечь. Я понимаю, что тебе дорого это место. Мы все любим этот дом. И в каждом из нас, это место, останется островком тепла и доброты. Но идти вперёд, думать о будущем - это не значит предавать прошлое. Жизнь не стоит на месте, и мы должны понимать и

принимать это. И слепо цепляясь за прошлое, ты делаешь плохо лишь себе. Запомни это место таким, каким оно есть. Ведь таким, оно не будет уже никогда.

Повисает изумлённое молчание.

Рая: Ты подумай, я тебе даю хорошие деньги. Мой новый строительный проект связан с новостройками бизнес - класса. Одно лишь твоё согласие, и я тут же дам тебе один миллион долларов.

Роза: Господи, я уж испугалась.

Павел Петрович: Гриша, ну что ты упрямишься? Согласись на этот вариант. Ты вырос у нас на глазах, и мы все тебя очень любим. И сейчас не время для глупых принципов. Нужно решать вопросы конструктивно. Прими их предложение. Возможно, даже мы купим квартиры в одном доме и опять станем соседями. Ведь, правда?

Все: Да, да. Конечно.

Голоса усиливаются. Все собираются вокруг Григория и громко говорят вразнобой. Анатолий стучит по столу. Павел Петрович, скрестив пальцы, показывает решётку. Роза поднимает руки к небу. Мать гладит голову Григория и что-то говорит. Рая сует Григорию под нос какую-то бумагу. Анатолий наливает в стакан водку, но Роза, опередив его, залпом выпивает содержимое стакана. Анатолий, опрокинув стакан в рот, с удивлением замечает, что он пустой. Григорий сидит, обхватив руками голову. Он поднимается и быстро уходит к себе в комнату.

Сцена темнеет.

Акт четвертый. Сцена первая.

Сцена светлеет.

Тюрьма. Комната свиданий. Григорий и Марат сидят напротив друг друга.

Марат: Спасибо, что пришёл.

Григорий: Слышал, что тебе продлили срок.

Марат: Да, продлили. Заварушка тут была. Я не удержался, ударил. Да так, что человек попал в больницу. Теперь, говорят, состояние тяжёлое. Если помрёт, куковать мне тут до конца жизни.

Григорий: И что теперь думаешь?

Марат: А что тут думать? Остаётся только надеяться на то, что выкарабкается. Хотя меня могут выпустить, если...

Григорий: Если, что?

Марат: Короче, мне тут дали понять, если ты подпишешь ту бумагу, то меня выпустят по УДО.

Григорий: Что за УДО?

Марат: Условно-досрочное освобождение. Но я не в праве у тебя просить. Поступай, как знаешь. С какой стати ты ради меня должен менять решение?

Григорий: Наверное, слышал: Лида, услышав, что тебе продлили срок, выпила уксус. Хотела покончить с жизнью.

Марат: *(Испуганно)* Как? Что за уксус? Какой Ук...сус? Она жива? Что с ней? *(кричит)* Говори, не томи.

Григорий: Успокойся. С ней уже всё нормально. Осталась живой и невредимой. Только голос потеряла. Врачи говорят, что на всю жизнь. Да и зачем ей голос? Не в опере же поёт.

Марат обхватывает голову руками. Его плечи вздрагивают.

Григорий: Наверное, если она тебя не любила, то такого не сделала бы. Ты должен её простить. Мы должны уметь прощать.

Марат: *(Плача)* Гриша!

Григорий: Ладно, ладно. Успокойся уже. *(Протягивая пакет)* Слушай, вот тут гостинцы тебе. Я, наверное, пойду. Держись.

Григорий выходит из комнаты свиданий. За ним доносится кричащий голос Марата.

Марат: *(в отчаянии стискивает виски)* Гриша, подпиши. Умоляю. Заклинаю тебя, подпиши. Пожалуйста. Гриша.

На улице к Григорию подбегает Лида и падает к его ногам. Она плачет и хочет что-то сказать. Но из её уст вырываются только шипящие и хрипящие звуки. Григорий, протягивает ей платок, поднимает её и уходит.

**Акт четвертый.
Сцена вторая.**

Квартира. Григорий сидит за столом. Мать наливает ему чай.

Григорий: Мама, как тебе Марина?

Мать: Она красива. Это бесспорно. Выросла, расцвела. Прямо как её мать. Такая же красавица. Но мне показалось, что Марина осталась такой же холодной. Нет в ней человеческой теплоты. Не знаю. Может, я чего - то не понимаю, но когда они оставили больную мать и уехали, все посчитали это предательством. Уж не знаю, что у них там произошло, но тогда эта все сочли их отъезд дикостью.

Григорий: Но в тот момент она ещё была ребёнком.

Мать: Да, согласна. Но за всё это время она даже не написала матери. Впрочем, для меня нет никакой разницы. Лишь бы ты был счастлив. И окончательный выбор за тобой, сынок.

Григорий: Не знаю, мама. Я сомневаюсь.

Мать: Знаешь, что говорил Шекспир?

Григорий: Что?

Мать: «Наши сомнения - это наши предатели. Они заставляют нас терять то, что мы, возможно, могли бы выиграть, если бы не боялись попробовать».

Григорий молчит.

Мать: Я знаю, что ты хочешь уехать с ней.

Григорий: Кто тебе сказал это?

Мать: Гриш, я же твоя мать. Я вижу всё, о чём ты думаешь. Сынок, делай то, что тебе подсказывает твоё сердце. Никого не слушай. Обо мне не беспокойся. Мне много не нужно. Моё спокойствие - это твоё счастье. Поезжай, я тебя благословляю. Лишь бы ты был счастлив. *(Мать целует Григория в лоб).*

Григорий: Мама, я не знаю. За этот короткий промежуток времени, я не могу принять решение.

Мать: *(с доброй улыбкой).* Я уже знаю, какое ты примешь решение. Любовь-это такая вещь, что из-за неё можно переплыть океаны и перейти горы. Хорошо, что Марина приехала, а то твоя женитьба превратилась в такую же неразрешимую проблему, как всемирное потепление.

Григорий смеётся.

**Акт четвертый.
Сцена третья.**

Григорий стоит перед дверью Марины. В руках у него дипломат. Григорий стучит в дверь. Дверь открывается и на пороге появляется Марина.

Марина: Гриша? Привет. Проходи.

Григорий: Марина, я подписал всё. Последнюю бумагу подпишу завтра. Я продал квартиру. Вот деньги. *(Григорий показывает дипломат)* Я еду с тобой. Ты понимаешь, как тяжело мне далось это решение?

Марина: *(Обнимая Григория)* Дорогой, я люблю тебя. Я верила, что ты решишься.

Григорий: Марина, я это сделал только для тебя. Я бы ни за что не согласился.

Марина: Нет, милый. Ты это сделал не для меня. Ты это сделал для нас. Ради нашего будущего. Теперь всё будет хорошо. Теперь мы вместе навсегда. Да, и как можно разгуливать по городу с дипломатом денег? Дай их мне, я спрячу дома. Сейчас мы поедem и купим для нас билеты на самолёт, а завтра вечером ты приедешь на такси и заберёшь меня. Хорошо?

Григорий: Хорошо, любимая. Хорошо.

Марина: Ну, вот и отлично.

Голос за сценой:

Я поставил дипломат на тумбочку при входе и удалился на указанное место встречи. Не прошло и получаса, как роскошная леди, облачённая в какой-то замысловатой формы летний шёлковый комбинезон от кутюр, озарила улицу своим появлением.

Весь день она таскала меня по магазинам, выбирая мне наряды, точно приданое барышне. Я понимал, что такой роскошной женщине надо соответствовать и не противился, выполняя все её требования примерить, покрутиться и дать пощупать ткань.

Я был потрясён, как хорошо она осведомлена о новинках мужской моды, как ловко и быстро способна оценить цвет, фасон и другие мелочи, из которых составляла комплекты. Мне оставалось лишь послушно бродить за ней по дорогушим бутикам и быть послушной и безмолвной куклой в её руках. Не могу сказать, что это приводило меня в восторг, но я убеждал себя, что один день можно и потерпеть.

Потом мы вместе съездили и купили билеты. Я представлял себе, как загораю на жарком пляже Тель-Авива, а вокруг меня резвятся наши дети. Марина, подобно Венере, выходит из пены морской в роскошном купальнике, на её загорелой коже переливаются мелкие брызги морской воды, и вся она такая прекрасная, желанная...

Сцена Магазин. В магазине Григорий, улыбаясь, под присмотром Марины меняет пиджаки разного цвета. Потом они такими же счастливыми выходят из магазина с двумя полными пакетами в руках и садятся в такси.

Акт четвертый.

Сцена четвертая.

Двор дома.

Павел Петрович и Роза с вещами стоят перед домом. Они прощаются с остальными соседями.

Павел Петрович: *(Григорию)* Будь там поосторожнее. Как обоснуешься, пиши, не пропадай.

Роман: Да, лучше сюда не возвращаться.

Роза: Сынок, тебе счастливого пути. Береги себя. Ну ладно, пойдём мы.

Павел Петрович и Роза прощаются со всеми и уходят. Григорий поднимается к себе в комнату. 1-ый человек с папкой стучится в дверь. Григорий открывает дверь.

Григорий: А, уже пришли? Я сейчас.

Григорий выходит из дома. Он ставит свою подпись на протянутой бумаге.

1-ый человек с папкой: Ну, куда теперь? Я вижу, уже с чемоданом. Уезжаете?

Григорий: *(Спускаясь по лестнице)* Да, уезжаю. И, наверное, навсегда. Я встретил женщину своей мечты.

1-ый человек с папкой: Уж не Марину Сергеевну ли?

Григорий останавливается и поворачивается.

Григорий: А вы откуда её знаете?

1-ый человек с папкой: *(пряча бумаги в папку)* Наивный вы человек. Марина Сергеевна - жена Максима Яковлевича. Они любили друг друга уже давно. С самого детства. Я даже видел их детские письма друг другу. Только не говорите мне, что не догадывались, кто стоит за всем этим. Максим Яковлевич всё разыграл, как по нотам.

Проходя мимо Григория.

- Да, и ещё, Марина Сергеевна вот уже 20 минут как в воздухе, летит в самолёте по направлению в Лондон.

Григорий: *(В замешательстве)* Врёшь, сволочь! Она не могла так поступить со мной. Мы любим друг друга. Тем более у меня её билет на самолёт.

1-ый человек с папкой: А с чего ты взял, что она не может купить новый билет? Надеюсь, деньги не у неё оставляли.

Григорий молчит.

1-ый человек с папкой: Ууу, голубчик, вы попали!..

Григорий сбегает по лестнице и бежит к дому Марины. Он стучит в дверь. Дверь не открывается. Григорий спускается по лестнице. Он садится на последнюю ступеньку и обхватывает голову. Вдруг начинает громко смеяться.

Квартира.

Гриша входит в квартиру. Навстречу выходит мать.

Мать: (удивлённо) Гриша? Вы не уехали?

Григорий: Нет, мама. Не уехали

Мать: А почему? Рейс перенесли?

Григорий: Да, перенесли.

Мать: Это, наверное, из того упавшего самолёта.

Григорий: Какого самолёта?

Мать: Только что передавали, что самолет летящий, из Москвы в Лондон потерпел авиакатастрофу. Все пассажиры погибли.

Пауза.

Григорий: Мама, что там Шекспир говорил на счёт сомнений?

Мать: Наши сомнения - это наши предатели. Они заставляют нас терять то, что мы, возможно, могли бы выиграть, если бы не боялись попробовать.

Григорий: Так вот, он был не прав.

Фигуры застывают. Сцена темнеет.

Голос за сценой:

С тех пор прошло много времени. Те переживания начали стираться из моей памяти. Из соседей я так и никого не вижу. Все они разъехались кто куда и потеряли связь друг с другом. Слышал, что Максим сейчас в коме, лежит в больнице. Говорят, услышав по радио о крушении самолёта, он на машине попал в жуткую аварию. Теперь он в коме. Врачи говорят, что его шансы на выживание минимальны. А дом стоит, как стоял. Проект заморожен на неопределённое время. Я так и не смог закончить свой фильм. Да и работа в киноиндустрии у меня как-то не заладилась. Теперь, я пою в джазовом оркестре в одном из столичных ресторанов. А кино стало для меня несбыточной мечтой. И все мои проекты остались лишь на бумаге.

Сцена светлеет.

Ресторан. Пианист и Григорий стоят около рояля. К ним подходят три девушки лёгкого поведения.

Одна из девушек: Привет, мальчики. Не хотите отдохнуть?

Пианист: Очень жаль, девочки, но мы на работе.

Они засмеялись: Мы тоже.

Пианист: Хотите что-нибудь из репертуара Армстронга?

Одна из девушек: А кто это такой?

Пианист: (*переглянувшись с Григорием*) Да, тут один ходит...

Одна из девушек, оказавшаяся той самой продавщицей: (*указывая на Григория*) - А я тебя знаю! Ты меня не помнишь? Ты ещё только из тюрьмы тогда освободинся. - Ты не говорил, что ты музыкант...

Григорий: А я и сам не знал, что я музыкант.

Девушка: Смотри, (*показывает на кулон, висящий на шее*) Это, та самая десятирублёвая монета, которую ты мне вернул. Я его на счастье ношу.

Её фразу обрывает пожилой мужчина в дорогом костюме. Он вырастает, как будто из-под земли, и, обняв девочку за талию, уводит с собой. Это был последний посетитель, и ресторан начинают готовить к закрытию. Пианист торопится домой, Официантки, закончив натирать полированные столики, тоже исчезают куда-то. Свет в зале гаснет.

Голос за сценой:

Я остался наедине со своими мыслями. Глядя на догорающую свечу на рояле, я вспомнил слова отца:

- Это целое таинство. Нить свечи обращается к воску: «Отпусти меня. Я умираю вместе с тобой...» На что воск отвечает: «Если б не я, ты была бы простым шнурком для туфлей.

ЗАНАВЕС.

